

Слушай, Серимон: закон всемирного тяготения — то есть теория гравитации — гласит, что между телами во Вселенной существует сила взаимного притяжения, причем эта сила прямо пропорциональна их массам и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними. Всё очень просто.

И это всё, что в нем заложено?

Достаточно и этого! На то, чтобы прийти к такому выводу, у человечества ушло четыреста лет.

Почему так долго? По сравнению с этим всё кажется таким простым.

Потому что великие законы не рождаются от пары вспышек озарения. Верите вы этому или нет, работники прессы, но на создание одного закона обычно уходят сотни лет совместных усилий ученых из одной области. С тех пор как четыреста лет назад Женевей 41 обнаружил, что Кальгаш вращается вокруг Онуса, а не Онус вокруг Кальгаша, астрономы пытались разгадать загадку того, почему на небе то появляются, то исчезают шесть солнц. Они фиксировали сложное движение шести светил, анализировали его и объясняли. Старые теории рушились, им на смену приходили новые. Производились прямые и обратные расчеты, всё бесконечно перепроверялось, корректировалось, отбрасывалось, снова возвращалось в работу и вновь перекраивалось в новые теории. Это колоссальная, сложнейшая работа.

Серимон задумчиво кивнул, осушил бокал и знаком попросил официанта принести еще два. Заговорив о своей профессиональной науке, Бини, казалось, полностью успокоился, подумалось Серимону.

Около тридцати лет назад, — продолжал астроном, — Артур 77 применил теорию всемирного тяготения для точного описания орбит шести солнц, тем самым поставив точку в исследованиях их восходов и закатов. Это выдающееся достижение, самое впечатляющее из всех, что до сих пор были получены с помощью чистой логики.

Я знаю, как сильно ты преклоняешься перед этим ученым, — сказал Серимон, — но какое отношение всё это имеет к гравитации?..

В этом-то вся и проблема.

Бини поднялся, взял второй бокал и подошел к краю террасы. Какое-то время он стоял там, молча всматриваясь в Трей и Патру на дальнем небосклоне. Серимону показалось, что Бини снова начинает нервничать, поэтому он молча и терпеливо ждал объяснений. Еще немного постояв, Бини сделал большой гредь из бокала и, все еще стоя к нему спиной, наконец заговорил:

Дело в том, что несколько месяцев назад я с помощью университетского суперкомпьютера пересчитал орбиту вращения Кальгаша вокруг Онуса. Я ввел в машину данные об орбите Кальгаша за последние шесть месяцев наблюдений и приказал ей спрогнозировать движение

на оставшуюся часть года. Я не ждал никаких чудес, просто искал повод повозиться с новым компьютером. Разумеется, задавая параметры расчета, я использовал закон всемирного тяготения.

Он резко обернулся. На его лице читались суровость и испуг.

Серимон, результат оказался совершенно неожиданным.

Я не понимаю.

Орбита, которую рассчитал компьютер, разительно отличалась от той, что предполагалась. И я говорю не просто о расчете орбиты между Кальгашем и Онусом — это ты должен четко понимать. Я учёл и возмущения, которые могли создавать другие солнца. И тем не менее то, что я получил — то, что показал мне компьютер, — реальная орбита Кальгаша оказалась совершенно не похожа на ту, что Артур рассчитал с помощью теории гравитации.

Но ты же говорил, что при настройке программы тоже использовал закон всемирного тяготения, открытый Артуром, — озадаченно произнес Серимон.

Да.

Тогда... как же...

Глаза Серимона внезапно блеснули.

Боже мой! Как же я сразу не догадался! Какая потрясающая история! Ты хочешь сказать, что новенький суперкомпьютер Университета Саро, на стоимость которого я даже боялся заглядываться, попросту врет? Да это же настоящий скандал с разбазариванием денег налогоплательщиков! Это...

С компьютером всё в порядке, Серимон, поверь мне.

Ты уверен?

Абсолютно.

Тогда... это...

Возможно, данные, которые я ввел, были ошибочными. Компьютер невероятно точен. Данные неверны — результат, естественно, получается неправильный.

И ты из-за этого так расстроился, верно, старина Бини? Послушай, это же просто личная ошибка, незачем так убиваться. Ты...

Во-первых, я абсолютно уверен, что ввел правильные данные. И могу поручиться, что в теоретических допущениях при написании программы тоже не было никаких ошибок, — сказал Бини, сжав дрожащей рукой бокал. Серимон заметил, что бокал уже опустел. — Как ты и сказал, я тоже подумал, что это человеческая ошибка, и нанял двух выпускников, сильных в расчетах, чтобы они проверили эту задачу. Результаты их вычислений пришли сегодня. Из-за этого самого важного совещания я и говорил тебе, что не смогу встретиться. Серимон, они подтвердили мои расчеты, их результаты совпали с моими.

Если результаты компьютера верны, тогда... тогда... — Серимон замотал головой. — Тогда что? Получается, теория гравитации ошибочна? Ты это хочешь сказать?

Да.

Похоже, Бини стоило огромного труда выговорить эти слова. Он выглядел шокированным, растерянным и изможденным. Серимон внимательно всматривался в его выражение лица. Безусловно, эта ситуация выбила его из колеи, и он явно оказался в крайне неловком и трудном положении. Но журналист все равно не понимал, почему этот результат произвел на него такое сильное впечатление. Вдруг до него дошло.

Всё дело в Артуре. Он авторитет, и ты боишься его обидеть, верно?

Именно так, — ответил Бини, бросив на Серимона полный благодарности взгляд за сочувствие и понимание. Он тяжело рухнул на стул, ссутулил плечи, опустил голову и глухим голосом произнес: — Старик не переживет, если узнает, что кто-то пробил брешь в его главной теории. И этот пробивший брешь человек — не кто иной, как я. Он мне как второй отец, Серимон, понимаешь? Все мои успехи за последние десять лет достигнуты под его руководством. Он поддерживал меня, давал мне — о, можно сказать, дарил мне свою любовь. И как я отплатил ему за это? Я не хочу порочить дело всей его жизни — Серимон, сделав это, я убью его.

А ты не думал просто скрыть это, и дело с концом?

Бини выглядел потрясенным.

Ты же знаешь, я не могу так поступить.

Да-да, конечно знаю. Но я должен был узнать, думал ли ты об этом.

Думал ли о такой дикости? Нет, конечно нет, у меня и в мыслях не было ничего подобного. Но что же мне делать, Серимон? Допустим, выбросить все материалы и притвориться, будто я никогда этим не занимался. Но это же верх несправедливости! Выходит, у меня есть всего два

выбора: пойти против собственной научной совести или разрушить высокую репутацию Артура — репутацию человека, который является для меня и руководителем, и наставником, и близким другом.

Похоже, он тебе больше не друг.

Астроном вытаращил глаза, в его взгляде смешались изумление и гнев.

Что ты такое говоришь, Серимон!

Не сердись, не сердись, — Серимон растопырил пальцы, делая успокаивающий жест. — Мне кажется, ты слишком боготворишь его. Бини, если ты считаешь Артура по-настоящему великим человеком, то он не должен ставить собственную репутацию выше научной истины. Понимаешь, о чем я? Теория Артура — это всего лишь теория. Пару минут назад ты назвал ее законом тяготения, а потом поправился, сказав, что это теория — предположение — догадка. Лучшая на сегодняшний день догадка, разумеется, но это вовсе не значит, что она верна. Наука рождается в процессе постоянного приближения к истине. Ты сам говорил мне это давным-давно, и я до сих пор помню. А раз так... это значит, что любая истина должна проходить проверку и корректировку, разве не так? Если в конце концов выяснится, что она слишком далека от фактов, ее следует заменить истиной, которая ближе к действительности. Ведь так? Бини, я прав?

Бини был бледен как смерть и непрерывно дрожал.

Не мог бы ты попросить еще бокал вина, Серимон?

Нет. Послушай, мне еще есть что сказать. Ты говоришь, что переживаешь за Артура — мол, он уже в возрасте или слишком уязвим, — и поэтому не хочешь говорить ему, что обнаружил изъян в его теории. Ладно, допустим, такой подход можно назвать благородным и преданным, но ты подумал о другом? Если расчеты орбиты Кальгаша настолько важны, рано или поздно кто-то другой обнаружит эту проблему. И тогда этот кто-то не будет церемониться, как ты, а вывалит всю правду наружу. Этим человеком вполне может оказаться недоброжелатель Артура, его явный враг — а у каждого ученого есть враги. Ты сам мне об этом не раз говорил. Уж лучше, если в одно прекрасное утро правда всплывет на страницах «Кроникл», чем ты сам аккуратно, мягко и деликатно расскажешь ему о своем открытии.

Да, — тихо произнес Бини. — Ты абсолютно прав.

Так ты пойдешь к нему?

Да, думаю, я должен это сделать.

Бини прикусил губу.

Мне тяжело даже произнести это вслух, Серимон, я чувствую себя убийцей.

Я понимаю. Но ты убиваешь не Артура, а его несовершенную теорию. Несовершенная теория существовать не должна. Рассказать — мучиться перед Артуром, промолчать — мучиться перед самим собой.

Серимон на мгновение замолчал. Внезапно в его голове мелькнула поразительная мысль.

Конечно, есть и другой вариант. Знаешь, я дилетант, тебе это покажется смешным... А вдруг возможно и такое? Если исключить все прочие факторы, теория всемирного тяготения верна, и данные по орбите Кальгаша, рассчитанные компьютером, тоже верны. А дело в каком-то совершенно неизвестном нам факторе, который и приводит к несоответствию ваших результатов?

Пожалуй, такое возможно, — уныло и безжизненно ответил Бини. — Но стоит тебе только приплести таинственный неизвестный фактор, как ты тут же оказываешься в стране фантазий... Ну, приведу тебе пример: допустим, на небе есть невидимое седьмое солнце — оно обладает массой, создает гравитацию, просто мы его не видим. И поскольку мы не знаем о его существовании и не учли его в гравитационных расчетах, наши итоговые вычисления получаются совершенно неверными. Ты это имеешь в виду?

О, а почему бы и нет?

Тогда почему бы не предположить наличие пяти невидимых солнц? Или пятидесяти? Почему не одно невидимое чудовище, способное по своему желанию притягивать планеты? Почему не дракон, который дунет — и Кальгаш сойдет с орбиты? Мы же не можем это опровергнуть, верно? Когда мы строим умозаключения, Серимон, предположить можно что угодно, но ни одно из этих предположений не имеет практического смысла, по крайней мере для меня. Я работаю только с тем, что считаю фактами. Твое предположение о неизвестном факторе может оказаться верным, и тогда закон всемирного тяготения рухнет. Хотелось бы надеяться на это. Но я не могу строить серьезную научную работу на одних предположениях. Похоже, всё, что мне остается, — это пойти к Артуру, как я тебе и обещал, и рассказать ему обо всем, что выдал компьютер. Я не смею заявлять ему или кому бы то ни было, будто вся эта свистопляска вызвана доселе не обнаруженным неизвестным фактором. Иначе я превратился бы в зарвавшегося безумца вроде культистов Культа Пламени, которые вовсю трубят, будто способны раскрыть любые тайны... Серимон, я бы выпил еще.

Ладно, давай еще по одной. За культистов Культа Пламени...

Я помнится, обещал тебе опубликовать заявление, — уставшая рука Бини провела по лицу. — Да-да, я не могу тебя подвести. Ты очень сильно помог мне сегодня. Что там говорили культисты Культа Пламени? Я уже и не помню.

Эту чушь несет Мондир 71, — сказал Серимон. — Самодовольный пустозвон. Он говорит... дай-ка вспомнить... он говорит, что приближается день, когда Бог искупит все грехи. И даже может

рассчитать точный день и час, когда наступит конец света.

Бини фыркнул.

И что тут нового? Разве они не всю трезвонят об этом уже столько лет?

Да. Но теперь они стали вбрасывать жуткие детали. Знаешь, по мнению Культа Пламени, это уничтожение мира — далеко не первое. Они проповедуют, будто Бог специально создал людей несовершенными, и в качестве испытания дал нам ровно один год — год по меркам богов, а не наш смертный год — на то, чтобы мы исправились. Они называют этот период Годом Покаяния. Этот год равен 2049 земным годам. Год Покаяния сменяет год за годом, а Бог видит, что мы все так же зловещи и греховны, поэтому они низвергают с небес священный огонь и сжигают мир дотла. Это священное место всем нам хорошо известно — это звезды. Во всяком случае, так утверждают культисты Культа Пламени.

Звезды? — переспросил Бини. — Он имеет в виду солнца?

Нет, именно звезды. Мондир говорит, что эти звезды сильно отличаются от шести солнц... Бини, неужели ты никогда не обращал на них внимания?

Нет. А с какой стати я должен был на них обращать внимание?

Ну, в общем, если к концу Года Покаяния люди на Кальгаше ни капли не изменятся в моральном плане, эти звезды низойдут священным пламенем и испепелят их. Мондир утверждает, что такое случалось уже много раз. Но всякий раз, когда это происходит, боги проявляют милосердие, или же среди них самих вспыхивает раздор: милосердный бог всегда уговаривает сурового дать человечеству еще один шанс. И тогда те из выживших, что проявили наибольшее благочестие, вновь избегают гибели и начинают новый цикл: очередной Год Покаяния протяженностью в 2049 лет. Мондир говорит, что сейчас этот цикл подходит к концу. С момента последней катастрофы прошло 2048 лет. Примерно через четырнадцать месяцев все солнца исчезнут, и эти ужасные звезды извергнут с неба пламя, сжигающее всё зло. Если быть совсем точным, этот день наступит 19 сентября следующего года.

Четырнадцать месяцев, — задумчиво произнес Бини. — 19 сентября. А дату-то он рассчитал с точностью до дня, верно? Держу пари, он знает и точный час, когда это произойдет.

Он действительно назвал его. Именно поэтому я и хотел, чтобы кто-нибудь из сотрудников Астрономической обсерватории выступил с заявлением, и мой выбор пал на тебя. Мондир недавно заявил, что время наступления катастрофы поддается научной проверке — дескать, это не просто слепая вера, прописанная в «Книге Откровений». Ее можно легко истолковать так же, как астрономы вычисляют... вычисляют... — заикаясь, произнес Серимон.

Тем же методом, которым рассчитываются орбиты движения солнц и небесных тел, верно? — едко поинтересовался Бини.

О да, — смущенно ответил Серимон.

Выходит, Культа Пламени делают работу хуже нас, и у мира еще есть надежда.

Мне нужно твоё заявление, Бини.

Да, я понимаю.

В боксы снова плеснули вина, и Бини крепко сжал его в руке.

Я попробую.

Помолчав немного, он продолжил:

Главная задача науки — отделить истину от заблуждения и тем самым явить подлинный облик Вселенной. Заставлять истину служить заблуждениям — для нас, работающих в университете, это не наука. И хотя сегодня мы уже научились предсказывать движение солнц на небе и даже обзавелись лучшими компьютерами, мы все еще далеки от того, чтобы хотя бы приблизиться к постижению замысла Бога. И, думаю, в будущем это тоже никогда не удастся. Как тебе такое заявление?

Отлично, — сказал Серимон. — Дай-ка я проверю, всё ли записал. Главная задача науки — отделить истину от заблуждения и тем самым явить... что там дальше, Бини?

Словно заучив текст наизусть еще несколько часов назад, Бини слово в слово повторил только что сказанное. Закончив, он единым махом осушил полный третий бокал. Затем поднялся, на его лице впервые за вечер промелькнула улыбка, а напряженные черты мгновенно разгладились.

Артур 77 прищурившись изучал лежащие перед ним на столе страницы с распечатками, точно карту какого-то доселе неизведанного материка. Он был совершенно спокоен — настолько, что даже сам удивился своему спокойствию.

Очень интересно, Бини, — медленно проговорил он. — Очень... очень... интересно.

Конечно, сэр, я ведь мог допустить ошибку не только в базовых настройках, Йемот и Фано тоже могли ошибиться...

Вы что, все трое ошиблись в предположениях? Нет, Бини, не думаю.

Я просто хотел сказать, что такая вероятность существует.

Позвольте мне подумать, — сказал Артур.

Было около десяти часов утра. Онус стоял в самом зените, и его прекрасно было видно из высокого окна кабинета директора обсерватории. Довим едва различался — крошечной, ослепительно-красной точкой он двигался на север по высокому небу. Артур пальцами переключал распечатки на столе туда-сюда. Поразительно, с каким спокойствием он всё это воспринял. Бини, казалось, нервничал куда сильнее, а сам он не чувствовал почти ничего. Наверное, я просто в шоке, подумал про себя Артур.

Вот здесь, сэр, я рассчитал орбиту Кальгаша по общепринятому календарю. А вот на этом участке распечатки мы видим новую орбиту, просчитанную компьютером...

Помолчите, Бини. Я же сказал, что мне нужно подумать.

Бини робко кивнул. Артур улыбнулся ему — для него это было непросто. Высокий, подтянутый, с копной поразительно густых седых волос, этот внушающий благоговейный трепет глава обсерватории выглядел чрезвычайно величественно. Ему, столько лет посвятившему научным изысканиям в области гравитации невидимых тел, было невероятно трудно заставить себя вести себя просто, как обычный человек. По крайней мере, здесь, в обсерватории, где все считали его едва ли не полубогом, это давалось с огромным трудом. Другое дело дома, в кругу жены, детей и шумной ватаги внуков. Значит, закон всемирного тяготения не так уж абсолютен? Нет-нет, быть такого не может! Каждая клеточка его здравого смысла восставала против этой мысли. Концепция гравитации — фундамент для понимания устройства Вселенной, и в этом Артур был непоколебимо и глубоко уверен. Она настолько ясна, логична и совершенна, что в ней просто не может быть ошибок. Без гравитации упорядоченная Вселенная мгновенно погрузилась бы в хаос. Непостижимо. Трудно даже представить. Но эти цифры... эта проклятая...

Я вижу, вы рассержены, сэр, — снова зачастил Бини. — Я просто хотел сказать, что прекрасно понимаю ваши чувства... Я знаю, что делаю вам больно... в такой ситуации любой бы рассердился, ведь на кону дело всей жизни...

Бини...

Сэр, позвольте мне договорить. Я не должен был вести себя так опрометчиво и доставлять вам столько хлопот.

<http://bllate.org/book/21124/2143629>